

[Kancheli offering defies rescue effort / Symphony, baritone valiant but in vain \(sfchronicle.com\)](http://www.sfchronicle.com)

San Francisco Chronicle

ARTS & ENTERTAINMENT

Kancheli offering defies rescue effort / Symphony, baritone valiant but in vain

Joshua Kosman, Chronicle Music Critic

May 17, 2002

Giya Kancheli's "Don't Grieve" had its world premiere Wednesday night in Davies Symphony Hall, but the piece sounded anything but new.

Stitched together out of scraps of poetry and shopworn, sentimental tunes, this 35-minute oratorio for baritone and orchestra, commissioned from the 66-year-old Georgian by the San Francisco Symphony, emerged as a bizarre exercise in stylistic recycling and almost willful naivete.

Not even a forceful, committed performance by Dmitri Hvorostovsky, Michael Tilson Thomas and the Symphony could keep the piece from sounding warmed over and predictable -- so predictable, in fact, that a first-time listener could silently hum along with most of Kancheli's melodies.

The text for "Don't Grieve" is a patchwork of tiny excerpts in English, Russian, German and Georgian taken from the works of Shakespeare, Goethe, Mandelstam and others. Mortar for these poetic bricks is provided by Kancheli in the form of such lines as "World is cruel, world is vile" or "Let's face it."

The baritone declaims or croons the poetry in a series of self-contained episodes that are generally accompanied by spare, lyrical orchestral writing. Between each episode comes a loud uproar from the entire orchestra led by the brass, often in a galumphing rhythm.

The result is a crazy quilt of starts and stops, with the blocky formal structure only reinforcing the disconnections of the text.

Still, pulling words out of context is hardly a serious misstep -- collage is a well-established artistic technique, after all, and if Kancheli had indeed treated a series of poetic images (as his program note claims), such a piece might have had some sort of emotional or pictorial thrust.

But what can a listener or a composer make in isolation of "Sorrow and joy/ Dying and becoming/ Life and death -- they are the essence" ? Or "All is amiss: / Love is dying/ Faith's defying/ Heart's denying"?

What Kancheli makes of it, unfortunately, is pure, unprocessed bathos, expressed in a series of treacly lullabies and serenades that seek to tug at a listener's heartstrings in the most unapologetic fashion. One setting after another turns out to be crafted out of gushy tonal harmonies (sometimes scored for Mantovanesque strings and harp) and soothing melodic lines that go exactly where they're supposed to.

At first, it seems hard to believe Kancheli is offering this schmaltz with a straight face. Some of the vocal sections -- particularly a lovely early setting of Mandelstam -- resemble on the surface the emotionally ambiguous rhapsodies that inhabit the symphonies of Mahler and Shostakovich.

But if Kancheli's emotionalism bears any trace of irony, he keeps it profoundly hidden. There is nothing to suggest that "Don't Grieve" is anything but the tearjerker it seems to be.

Kancheli's musical repertoire -- which in his symphonies is often distinctive and original -- here consists mostly of borrowings and retreads. In addition to the lifts from Mahler and Shostakovich, he makes frequent recourse to Philip Glass' trademark minor-key arpeggios; in the final moments of the piece, Kurt Weill makes a loud, nonsensical appearance, like a guest arriving late to a party.

The strangest bit of pastiche, though, comes in the final measures. Here the baritone sings the work's title phrase to the simple cadential figure best known as the last two notes of "Shave and a haircut, two bits" -- like an impudent smiley face affixed to the mournful preceding half hour.

Hvorostovsky sounded marvelous, his silky baritone caressing the music and giving it a dramatic presence that it otherwise lacked. Thomas and the orchestra brought energy and tact to the instrumental writing. None of it helped.

The concert began with a sumptuous late addition to the program, the Prelude to Mussorgsky's "Khovanshchina" in Rimsky-Korsakov's glittery orchestration. After intermission, Thomas led a spirited, fluent reading of Ravel's "Daphnis et Chloe," enlivened by brilliant solo contributions from flutist Paul Renzi, English hornist Julie Ann Giacobassi and clarinetist Luis Baez.

Перевод

«Сан-Франциско кроникл» - американская ежедневная газета, основанная в 1865 году, самое крупное издание США на западном побережье, многократный лауреат Пулицеровской премии.

San Francisco Chronicle

Джошуа Косман, Музыкальный критик
Май 17, 2002

Подарок Канчели не поддаётся усилиям спасателей/ Не спасают ни симфонический оркестр, ни отважный баритон

В среду вечером в симфоническом зале Дэвиса состоялась мировая премьера "Не горюй" Гии Канчели, но произведение звучало совсем не по-новому.

Сшитая из обрывков поэзии и избитых сентиментальных мелодий, эта 35-минутная оратория для баритона и оркестра, заказанная 66-летнему грузинскому композитору Симфоническим оркестром Сан-Франциско, стала причудливым упражнением в стилистической переработке и почти умышленной наивности.

Даже сильное и убедительное исполнение Дмитрия Хворостовского, Майкла Тилсона Томаса и Симфонического оркестра не смогло спасти произведение от вторичности и предсказуемости. Оно оказалось предсказуемым настолько, что начинающий слушатель мог тихо напевать, как большинство мелодий Канчели.

Текст "Не горюй" представляет собой лоскутное одеяло из крошечных отрывков на английском, русском, немецком и грузинском языках, взятых из произведений Шекспира, Гёте, Мандельштама и других. Раствор для этих поэтических кирпичей дан Канчели в виде таких строк, как "Мир жесток, мир подл" или "Посмотрим правде в глаза."

Баритон декламирует или напевает стихи в серии самостоятельных эпизодов в сопровождении лаконичного лирического оркестрового аккомпанимента. Между каждым эпизодом раздаётся громкий рёв всего оркестра во главе с медными духовыми, часто в галопирующем ритме.

В результате получается сумасшедшая мозаика из стартов и остановок, с блочной формальной структурой, только усиливающей разобщённость текста.

Однако выдёргивание слов из контекста не является серьёзной ошибкой - коллаж – всё-таки общепризнанная художественная техника, и если бы Канчели действительно переработал серию поэтических образов (как написано в программе), такое произведение могло бы иметь какую-то эмоциональную или образную силу.

Но как слушатель или композитор должен понимать вне контекста слова: "Печали и радости/ Умирание и становление/ Жизнь и смерть – они суть"? Или "Всё не так: / Любовь умирает/ Вера отвергает/ Сердце отрицает"?

То, что Канчели делает из этого, к сожалению, является простым, непереосмысленным, шаблонным пафосом, выраженным в серии слащавых колыбельных и серенад, которые стремятся самым возмутительным образом задеть чувства слушателя. Одна установка за другой оказывается созданной из сочных тональных гармоний (иногда забитых как бы написанных для струнных и арфы в стиле Мантовани) и успокаивающих мелодических линий, которые идут именно туда, куда им положено.

Поначалу трудно поверить, что Канчели с невозмутимым видом предлагает эту слащавость. Некоторые вокальные фрагменты – особенно прекрасная музыка на слова Мандельштама в начале – внешне напоминают эмоционально неоднозначные рапсодии, которыми наполнены симфонии Малера и Шостаковича.

Но если в эмоциональности Канчели и есть какая-то ирония, то он её глубоко скрывает. Нет ничего, что указывало бы на то, что "Не горюй" – это что-то иное, чем слезоточивость, которой оно кажется.

Набор музыкальных приёмов Канчели, который в его симфониях часто своеобразен и оригинален, здесь состоит в основном из заимствований и повторений. В дополнение к цитатам из Малера и Шостаковича он часто прибегает к фирменным минорным арпеджио Филипа Гласса; в заключительные моменты пьесы появляется Курт Вайль громко, бессмысленно, как гость, опоздавший на вечеринку.

Однако самая странная часть попури появляется в последних тактах. Здесь баритон поёт главную фразу произведения в простой каденции, более известной как последние две ноты комической песенки – как нахальный смайлик, приклеенный к скорбному предшествующему получасу.

Хворостовский звучал великолепно, его шёлковый баритон ласкал музыку и придавал ей драматизм, которого ей не хватало. Томас и оркестр привнесли энергию и такт в партитуру. Ничего не помогло.

Концерт начался с роскошной накануне появившейся в программе увертюры к "Хованщине" Мусоргского в блестящей оркестровке Римского-Корсакова. После антракта Томас энергично дирижировал музыкой к балету Равеля "Дафнис и Хлоя", оживлённой блестящими соло Пола Ренци на флейте, Джулии Энн Джакобасси на французском рожке и Луиса Баэс на кларнете.

Перевод с английского Натальи Тимофеевой